

Скверная история — эпизод 3 из 4

Брат и поручик пили, ели, кормили пса печенкой, острили над хозяевами, гонялись по двору за кухарками, громко купались, мертвецки спали и благословляли судьбу, случайно загнавшую их в те места, где можно la сыр в масле кататься.

Послушай, ты! сказал однажды Иван художнику, подмигивая пьяным глазом в сторону Лели. Ежели ты за ней... то чёрт с тобой! Мы не тронем. Ты первый начал, тебе и книги в руки. Честь и место! Мы благородно... Желаем успеха! Отбивать не станем, нет! подтвердил Набрыдлов. Было бы свинством с нашей стороны.

Ногтев пожал плечами и устремил свои жадные очи на Лелю.

Когда надоедает тишина, хочется бури; когда надоедает сидеть чинно и благородно, хочется дебош устроить. Когда Леле надоела робкая любовь, она начала злиться. Робкая любовь это басня для соловья. К великой досаде, в июне художник был так же робок, как и в мае. В хоромах шили приданое; рара денно и ночью мечтал о займе денег для свадьбы, а между тем их отношения не вылились еще в определенную форму. Леля заставляла художника по целым дням удить с собой рыбу. Но это не помогло. Он стоял возле нее с удочкой, молчал, заикался, пожирал ее глазами и только. Ни одного сладко-ужасного слова! Ни одного признания!

Называй меня... сказал ему однажды рара. Называй меня... Ты извини... что я говорю тебе ты... Я любя, знаешь... Называй меня папой... Это я люблю.

Художник стал сдуру величать рара папой, но и это не помогло. Он по-прежнему был нем там, где следовало возроптать на богов за то, что они дали человеку один только язык, а не десять. Иван и Набрыдлов скоро подметили тактику Ногтева.

Чёрт тебя знает! возроптали они. Сам сена не жрешь и другим не даешь! Этакая скотина! Трескай же, дуб, коли кусок сам тебе в рот лезет! Не хочешь, так мы возьмем! То-то!

Но всему на этом свете бывает конец. Будет конец и этой повести. Кончилась и неопределенность отношений художника с Лелей.

Развязка романа произошла в середине июня.

Был тихий вечер. В воздухе пахло. Соловей пел во всю ивановскую. Деревья шептались. В воздухе, выражаясь длинным языком российских беллетристов, висела нега... Луна, разумеется, тоже была. Для полноты райской поэзии не хватало только г. Фета, который, стоя за кустом, во всеуслышание читал бы свои пленительные стихи.

Леля сидела на скамье, куталась в шаль и задумчиво глядела сквозь деревья на речку.

Неужели я так неприступна? думала она, и воображению ее представлялась она сама, величественная, гордая, надменная... Размышления ее прорвал подошедший рара.

Ну, что? спросил рара. Всё то же?

То же.

Гм... Чёррт... Когда же всё это кончится? Ведь мне, матушка, прокормить этих лодырей дорого стоит! Пятьсот в месяц! Не шутка! На одного пса три гривенника в день на печенку сходит! Коли свататься, так свататься, а нет, так и к чёрту и с братцем и с псом! Что же он говорит, по крайней мере? Говорил он с тобой? Объяснялся?

Нет. Он, папа, такой застенчивый!

Застенчивый... Знаем мы их застенчивость! Глаза отводит. Подожди, я его сейчас пришлю сюда. Покончи с ним, матушка! Нечего церемониться... Пора. Изволь-ка, матушка, того... Не молоденькая... Фокусы, небось, все уже знаешь! Рара исчез. Минут через десять, робко пробираясь кустами сирени, показался художник.

Вы меня звали? спросил он Лелю.

Звала. Подойдите сюда! Полно вам меня бегать! Садитесь!

Художник тихохонько подошел к Леле и тихохонько сел на краешек скамьи. Какой он хорошенький в темноте! подумала Леля и, обратясь к нему, сказала: Расскажите-ка что-нибудь! Отчего вы такой скрытный, Федор Пантелеич? Отчего вы всё молчите? Отчего вы никогда не откроете предо мной свою душу? Чем я заслужила у вас такое недоверие? Мне обидно, право... Можно подумать, что мы с вами не друзья... Начинайте же говорить!

Художник откашлялся, прерывисто вздохнул и сказал:

Мне вам многое нужно сказать, очень многое!

В чем же дело стало?

Боюсь, чтоб вы не обиделись. Елена Тимофеевна, вы не обидитесь?

Леля захихикала.

Настала минута! подумала она. Как дрожит! Как он дрожит! Поймался, голубчик?

У Лели самой затряслись поджилки. Ее охватил столь любезный каждому романисту трепет.

Минут через десять начнутся объятия, поцелуи, клятвы!.. Ах! замечтала она и, чтобы подлить масла в огонь, своим обнаженным горячим локтем коснулась художника.

Ну?

